

Из цикла «Рассказы о чудесном»

Страшная тайна

Памяти Михаила Успенского

Я живу давно, если считать по-нормальному. Не трепать снисходительно по плечу с высоты 190 сантиметров и 80 лет: «Ну, 56... пацан!» - а если по-нормальному, честно. 56 – это возраст. Это уже много. Не пацан, конечно. Потому и говорю: я живу давно. И многих пережил уже – и старше, и младше себя. Не кичусь этим, не горжусь, жалею о тех, кого пережил, многих не хватает. Но и какого-то особого знака в этом не нахожу, не крещусь суеверно: «Опять пронесло, спаси, Господи!», беспокойства не испытываю. Жизнь – она как дана, так и есть. Я думаю, дана Всевышним, атеисты и агностики полагают иначе – ну и Бог с нами со всеми. Хотим мы того или нет.

Я живу давно, многое повидал и пережил. Но такого, что случилось со мной год назад, не было еще никогда. И не знаю теперь – кончится ли когда-то назначенное мне испытание?

Я – филолог, если точнее – школьный преподаватель русского языка и литературы. Зовут меня Николай Степанович Букарин. Язык я люблю, а профессию свою, должность – нет. Хотя преподаю усердно, ученики мои на олимпиадах побеждают, ЕГЭ сдают и в вузы поступают. Но любви у нас с ними нет – так... отношения. Школу закончил – и забыл. Я их тоже не больно-то помню, разве что самых тупых – на них сил отпускается больше, чем на умных. Но в основном – не помню. И не хочу по-другому. Не хочу я в них вкладывать душу, жаль мне – и души, и сердца. Они у меня в единственном экземпляре, а ученики – как ношенные тапочки: отходил сезон – и выкинул. Не жалко. Много еще будет таких. Хотя и не так много уже: до пенсии – всего ничего. Дотяну, даст Бог. Коллег своих я тоже не особо жалею, друзей у меня в преподавательском цехе нет. Ни друзей, ни приятелей даже, ни любовниц. И не было никогда – как-то обошелся, проскочил. На коллективные праздники, корпоративы стараюсь не ходить, хотя в день учителя не отвертишься, приходится сидеть на торжественных собраниях, строить счастливое лицо, когда тебе вручают очередную грамоту – не за заслуги, а по списку. Тут уж ничего не поделаешь.

И держит меня в этой моей профессии вот уж сколько десятков лет только одно: очень я люблю слово. Можно было, конечно, податься в науку, написать диссертацию, потом труды научные кропать, исследовать какую-нибудь поэтику Булгакова или Достоевского, делиться открытиями... Упустил. В молодости побоялся, потом поздно было. Или показалось, что поздно.

Наука просквозила мимо, а любовь осталась. И я нашел этой своей любви такое приложение. Я люблю слушать людей, одновременно наблюдая за их мимикой, жестами, выражением глаз. Мне интересно сопоставлять – как слова, которые они из себя извергают, соотносятся с их настоящими мыслями, их внутренним мироощущением, как они это мироощущение через слова передают. Занятие, скажу вам, чрезвычайно увлекательное! Столько нового про людей узнаешь – лучше бы и не знать иногда! Но – любовь к слову, к исследованию, к поиску – тут уж, опять же, ничего не попишешь. Я – лингвист-любитель, я бы себя так назвал.

Открытия случаются разные – мелкие и покрупнее. Понятно, что когда человек, например, на трибуне, он всегда врет, тут исключений нет. И когда я вижу выступающего перед публикой, допустим, мэра, или губернатора, или главу парламента любого уровня, а то и еще кого повыше, мне не надо особо углубляться в лингвистический анализ, даже самый поверхностный анализ покажет: врет он. Даже когда правду говорит – врет. Что

именно думает – не скажу, не знаю, но что врет – к Ванге не ходи. Тут все просто. Сложнее – когда трибуны нет, и говорящий – не чиновник, а, допустим, как ты: учитель. Или даже нет, учителя тоже чаще всего врут. Не учитель, а, допустим, сосед по площадке, который машину свою паркует каждый вечер рядом с моей, а по утрам мы вместе выходим, здороваемся, перекидываемся парой слов и разъезжаемся. Вот на этой паре слов его очень интересно ловить. С какой ноги встал? Какое настроение внутри, за утренней улыбкой? Очень увлекательно.

На этом-то увлечении моем меня и накрыло. Было так.

Год назад полетели мы с моей женой к моей дочке в Москву на свадьбу. Здесь сначала требуется некоторое пояснение. «С моей женой к моей дочке» - звучит как-то... непривычно, да? Потому что дочка у нас с женой – отдельная, моя, от предыдущего брака. «От предыдущего» - потому что не первый он, а... ну, неважно. С предыдущей женой мы жили недолго и счастливо: она жила у мамы в одной из прибалтийских республик, я – в Красноярске. Но так было уже тогда, когда она забеременела. До этого, конечно, жили вместе, иначе бы дочка не родилась. Жена и уехала к маме рожать: «Мама будет рядом – подскажет, научит, поможет...» Не очень-то мама помогла, однако не в ней дело.

Чем ближе к родам, тем Мила моя (имя такое у нее – Мила; я ее так и звал в шутку: «Мила моя!») больше беспокоилась. Письма, телеграммы... В конце концов: «Приезжай, без тебя худо». Приехал, как-то успокоил. Посмотрел внимательно на маму, послушал – чего она говорит, - понял, в чем дело. Не любит она свою дочку. И без меня, конечно, ей, Миле, там было правда худо. Пришлось жить с ними до родов.

Жена родила неожиданно. Ждали-ждали, даже спать стали врозь, чтобы не навредить и вообще. И вот ночью просыпаюсь – она стоит, лицо светится в темноте белым, гладит меня по одеялу и говорит спокойно так: «Ну, чего ты лежишь? У меня воды отошли, вызывай «скорую»...»

Дочка родилась – как все: красная, сморщенная, кричит, титьку кусает... После родов мы почти сразу уехали – как только у Милы все зажило. А еще через полгода разошлись – мирно, без ссоры. Не было любви между нами. Вся любовь – дочка.

Теперь-то она, дочка – красавица, умница, замужем. И он – ну, не красавец (хотя кому как!), но тоже умница, еще почище нее. Кандидат наук. Жена у меня давно другая, с дочкой она в дружбе, иногда даже дружат против меня. Я ничего не имею, пускай дружат. Главное – чтобы они друг друга слышали. И меня, конечно, тоже.

Вот и полетели мы с моей нынешней женой Альбиной на дочкину свадьбу. И вот тогда на меня снизошло. Или обрушилось? До сих пор не знаю.

Началось в самолете, до взлета. Как водится, когда всех рассадили, стюардессы встали в проходах и стали рассказывать, как нам действовать, если самолет терпит аварию. Я сначала даже не смотрел – столько раз все это слышал и видел. Случайно поднял глаза – и вдруг слышу сразу после слов про кислородную маску: «Блин, как осточертело все это рассказывать! Ну все равно же не слушает, не смотрит никто, да и если навернемся – что от моих сказок толку-то? И все ж это знают, главное. Каждый полет – одно и то же. Тоска...» Я сначала просто не понял ничего, дурная мысль мелькнула: «Запись перепутали». Ну, какая запись, когда вот она – живая стюардесса, вот вторая – руками машет... И тут меня аж в пот бросило: я на нее смотрю, слова слышу – а губы ее по-другому двигаются, они другие слова говорят – как раз про кислородную маску, что она над сиденьем! Только я этих слов не слышу. А все остальные, видимо, слышат именно их, потому что ни у кого больше глаза на лоб не лезут, кроме меня. Покосился на жену – она в порядке, прилежно так слушает, улыбается стюардессе. И та, коза, лыбится! Что ж, думаю, за ерунда такая?! И опять меня вдруг царапнуло запоздало: когда я на жену смотрел, а не на стюардессу, - слышал снова про кислородную маску и спасательный жилет, а как только опять на стюардессу взглянул – так опять «как все осточертело», да еще и с матерками...

Как-то сразу я понял, что со мной происходит. Так скоро понял, что даже смешно стало. Получается, я в своих физиономически-лингвистических опытах так далеко продвинулся, что научился слышать не только то, что люди говорят, а еще и то, что они думают на самом деле. Правда, только если они при этом шевелят губами. Мысли в закрытом черепе, если он губами не шлепает, я читать не научился. Если я лица человека не вижу – радио, допустим, или просто отвернулся, - слышу то же, что и все. А когда в лицо смотрю, даже если это телевизор, - слышу настоящие мысли.

Новости по телевизору я и раньше не очень часто смотрел – грустные все больше теперь новости, тревожные, - а тут и вовсе перестал. Представляете: в кадре – ведущий, серьезный такой, мужественный даже, молодой, при галстукe, на лицо озабоченность вселенская натянута, я на него гляжу – а он говорит-думает: «Так, еще две подводки к сюжетам, потом длинный репортаж – в этом месте немного передохну, потом еще пара устных новостей – и отмаялся. Твою мать, перестарались мы вчера с вискарем! Да еще телка эта спать не дала. Жениться пора, Вася!» А после его слов – других, которые он всем послал, а не мне – серьезный сюжет про войну, теракты или арабскую нефть. А потом – снова он в кадре, и мне его жалко: похмелье – штука серьезная... Но это – ладно, бывает – ведущий во время выпуска про баб думает или, допустим, про мальчиков. Вид мужественный, а сам... ну, вы поняли. Душевного здоровья не хватает – видеть это и, главное, слышать.

Я вперед забежал.

В общем, прилетели мы к дочери в Москву, я жене про свой новый дар или проклятье свое ничего не говорю пока. Дай, думаю проверю, может это – как насморк: потекло – и прошло. Но – не прошло. Пока церемония бракосочетания в ЗАГСе шла, всех гостей разглядел, все мысли расслышал. О сотруднице ЗАГСа говорить не хочу: чего она новобрачным внутри себя желала – ей бы кто пожелал в тяжелые годы... А гости – ничего гости, хорошие попались. Друзья настоящие, гадостей никто не думал. Я поначалу на дочку с зятем боялся смотреть: кто знает, что там у них внутри, что они на самом деле про нас думают? Но все время же не станешь ходить – очи долу. Набрался духу – да нет, и дочка ничего плохого не думает, и зять. Ну, есть некоторые мысли – о том, что пью многовато, и то – скорее, с оттенком тревоги и жалости: не помер бы раньше времени. В остальном – все даже очень... комплиментарно.

Что до жены, тут странное дело: как ни пыжился, как внимательно ни разглядывал ее артикуляцию, а ничего другого, отдельного лично для себя, расслышать не смог. Что все слышат, то и я. То ли уж и правда она у меня такая... искренняя да любящая, то ли – Господь миловал. Она мне еще ближе после этого стала.

Когда вернулись домой, я ей все и рассказал. Она поверила сразу: к розыгрышам, тем более таким нелепым, я не склонен. Стали мы с ней считать плюсы и минусы. Плюсов не нашли, зато минусов – хоть отбавляй. Она мне посоветовала пореже из дому выходить, а на улицах в лица прохожих не очень-то смотреть. Второе – без проблем, я и так на улице больше в себя смотрю, себя слушаю, слова перебираю. А вот не выходить из дому – это как? Я же учитель. И вот тут-то мука настала нестерпимая: ученики. Уж чего они мне в мыслях своих пакостных не желали только! Как меня только не обзывали! И не пожалуешься никому. Хоть увольняйся. И уволился бы, так до пенсии – шаг шагнуть. В конце концов решил проблему: стал учеников вызывать редко, все больше по домашним заданиям оценивать, а уж если вызвал – слушать не глядя в лицо. Опять же, нетрудно: мне и раньше они все на одно лицо казались, не особенно всматривался.

В общем, постепенно приспособился я к новому своему качеству. Научился даже выгоду извлекать. Сидим на учительском собрании ежегодном, слушаем директора – он с докладом: такие достижения, такие недочеты, такие планы... А я-то слышу – не общие коллективные планы у него в голове, а исключительно личный творческий план: как бы побольше с родителей-спонсоров неучтенных казной денег сгрести, чтобы потом их справедливо в свою пользу поделить. План хороший, мне он тоже по душе: директор,

конечно, на раздаче, но и нам кое-что достанется, если с умом подойти. Кроме меня, никто этих его сокровенных мыслей не знает – ну, мне и карты в руки. Подхожу после собрания с умом. Говорю: «Петр Назарович, вы там в докладе про какие-то денежки неучтенные говорили – очень оригинальная идея, полезная для общества!» Директор побледнел. «Ничего такого я вроде не говорил, Николай Степанович...» - «Ну как не говорили, вот я дословно процитирую...» - и смотрю в его коричневые глаза своими голубыми, не моргая. Он платочком пот со лба вытирает: «Давайте ко мне зайдем в кабинет, обсудим...» Обсудили. Мы в отпуск с женой съездили, в Прагу. Не очень понравилось. В следующий раз постараюсь Париж выжать.

В общем, как-то стал я жить с этим своим новым даром. Иногда, конечно, бывают открытия, от которых вздрагиваешь. Ну вот зачем мне смотреть по телевизору на президента этой страны? Чего я от него еще не слышал? Поди ж ты: спяну ли, сдуру включил первый канал – и, пожалуйста: ежегодное послание. Мне бы слушать – а я, дурак, смотрю! И такое слышу – хоть в ФСБ добровольно иди и сдавайся. Это ж такая антироссийская риторика, такой антинародный пафос! А он своими маленькими глазками смотрит, кажется, сквозь экран – и запоминает всех, кого увидел... Плохо мне, в общем, от таких речей. Так плохо, что запил я и пил неделю. Очухался – предложил Альбине телевизор выкинуть. Не согласилась. Конечно, она же этого не слышит...

И вот – апофеоз или, как говорил один мой покойный друг, - апофигей.

Похмельный, нечесанный, подхожу я как-то с утра к зеркалу. Умыться. Выдавливаю зубную пасту из тюбика, чищу зубы, бреюсь, и все это время смотрю на себя. Жуткое зрелище. Вспоминаю настоящие жены – много лет она мне это твердит, а я все не следую, забываю: «Когда утром просыпаешься, подходишь к зеркалу – улыбайся, пожелай себе доброго утра – жизнь наладится! Даже если с похмелья...» Я улыбнулся, говорю: «Доброе утро, Николай Степанович! Хорошего вам дня!» - и вдруг слышу: «В жопу иди!» То есть мое изображение в зеркале улыбается, слова вроде произносит те, что я ему послал, судя по артикуляции, - а слышу я свой же голос, который меня посылает... Шизофрения какая-то! Всерьез чокнуться можно. Позвал жену: «Альбина, - говорю, - иди посмотри – тут какая-то нестыковка». Опять смотрю в зеркало, опять улыбаюсь – натушно уже, правда, по-другому не получается. Но слова те же говорю: «Доброе утро, Николай Степанович! Хорошего вам дня!» Жена мне говорит ласково: «Ну, молодец! Не прошло и тридцати лет, как ты мои советы услышал!» Я на нее гляжу – ну, не врет же! А я-то, я-то снова услышал: «В жопу пошел, а?» Рассказал жене – она подивилась:

- Выходит, ты не только чужие истинные мысли слышишь, но и свои – истинные? – и смотрит на меня с любопытством и опаской.

- Что же я – сам себе враг, выходит? Себя-то посылать?

С той поры не жизнь у меня началась, а каторга. Я представил: а вдруг и другим я говорю одно, а слышат они – не то, что я говорю, а то, что думаю или даже не думаю, а что таится в самых сокровенных тайниках души моей? И появилась у меня привычка – спрашивать у всех, к кому обращаюсь: «Вы меня слышите?» На всякий случай.

Самое неприятное началось после новогодней ночи, когда мы по желанию тещи моей разлюбезной заставили себя послушать-таки поздравительную речь президента. Я, может, и ушел бы от греха, но так вышло, что штекер антенный надо было держать рукой, отломилась там какая-то хреновина не вовремя. Я и держал. Мне бы отвернуться, а я, наоборот, наглядеться на него, красавца, не мог. И что ж он такое нес! И какого он нам только зла ни желал! Если всему сбыться, что у него в сокровенной его башке пригрелось-пригрезилось, так никакой России скоро и вовсе не будет. Будет только государственно-частная монополия под названием «Золотая орда. Китайско-московское акционерное общество». Главные акционеры – он, наш безупречный и неподкупный гарант, и братья наши с Востока в желтом лице империи. То есть государство – с их стороны, восточной, а с нашей – частное лопухое лицо с маленькими глазками.

Я перестал теперь смотреть в зеркало. Боюсь. Боюсь услышать от себя самого то, что думаю на самом деле – и о жизни нашей замечательной, и о нашем государстве, и о нем.

И боюсь, что другие услышат. Потому и спрашиваю все время, когда с людьми приходится общаться: «Вы меня слышите?» Так я боюсь, что страшную эту мою тайну кто-то еще узнает, так боюсь... Ну а вы, вы-то меня слышите?

«...Слышим, слышим, - отвечают мне слепые окна серого здания на улице Дзержинского. – Заходите, чайку попьем, поболтаем. Расскажите нам подробнее. А мы уж решим потом – чем вам помочь...»

23.03.2015